

УДК 821.162
DOI 10.17223/18137083/67/9

Д. Чавдарова

Университет «Епископ Константин Преславски», Шумен, Болгария

**Номо legens в романе Ивана Вазова «Под игом»:
болгарский студент из России
между Базаровым, Раскольниковым и Вертером**

Рассматривается образ читающего героя (homo legens) в романе классика болгарской литературы Ивана Вазова «Под игом». Наблюдения над цитированием идей русских нигилистов героем Кандовым (приехавшим из России в родной город студентом) и над самоидентификацией этого героя с Раскольниковым и Вертером раскрывают видение автора о чуждости идей социализма и нигилизма, а также о чуждости определенных литературных моделей болгарскому обществу и болгарской ментальности. Интерпретация Вазова приводит также к выводу о созвучии его идей европейским идеям о библиотеке как лабиринте, о чтении как хаосе и сумбуре мышления.

Ключевые слова: Вазов, болгарская литература, homo legens, идентификация, чтение, Базаров, Раскольников, Вертер.

Историки и литературоведы, исследователи болгаро-русских культурных связей, указывают на роль болгарских интеллигентов, выпускников русских университетов в XIX столетии, в развитии болгарской культуры. М. Смолянинова упоминает число этих выпускников – около семисот – и подчеркивает их вклад в дело просвещения народа и освобождения Болгарии [Смолянинова, 2017]. Широкую картину роли русских университетов в обучении болгарской интеллигенции создает болгарский историк и культуролог Н. Генчев [1991].

В этом контексте выделяется образ приехавшего из России студента Кандова в романе Ивана Вазова «Под игом» (1888), в котором представлен особый взгляд на этот социокультурный тип. Сущность Кандова и его место в болгарской действительности накануне Апрельского восстания 1876 г. писатель раскрывает изображением чтения этого героя и его идентификации с литературными персонажа-

Чавдарова Дечка Дечева – доктор филологических наук, профессор университета «Епископ Константин Преславски», Шумен, Болгария (ул. Университетска, 115, Шумен, 9700, Болгария; d.tchavdarova@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2
© Д. Д. Чавдарова, 2019

ми – другими словами, созданием особого типа homo legens¹. По мнению теоретика литературы Н. Георгиева, в романе Вазова изображен первый ярко выраженный homo legens в болгарской литературе [Георгиев, 2006, с. 258]. Спецификой своего восприятия действительности через литературу Кандов отличается от других героев романа, которые тоже изображены как читатели разных книг².

Первое знакомство читателя с Кандовым создает противоречивое представление о нем. Портрет его в речи повествователя является знаком романтической природы, обособляющей этого героя в среде болгарской интеллигенции (изображение чтения персонажа в следующих фрагментах текста раскроет литературный источник его мировосприятия):

Високият ален фес зле хармонираше с мургавото му бледно лице, покрито с някаква тъга и съсредоточеност, с някаква меланхолия, която се отразяваше в мечтателния му поглед. Познаваше се, че тоз момък криеше в душата си някаква мисъл и мъка, която не можеше да победи, нито да сподели с другите (Вазов, 1977б, с. 213);

Высокий красный фес не шел к его смуглому лицу, сосредоточенному, отмеченному печатью какой-то тоски, омрачавшей его мечтательный взгляд. Этот юноша, очевидно, таил в душе какие-то неотвязные думы и неизбывные горести, которыми не мог делиться с другими людьми (Вазов, 1977а, с. 242³).

Странность Кандова, его чуждость болгарской среде раскрывается и комментарием его идей в речи персонажей:

– Що за птица е негова милост? <...>. – Кандов, русски студент. – Знам, но що за човек е? – Философ, дипломат, социалист, нихилист... и дявол знае още какво... С една реч, болен е тука... И Соколов тури пръст на челото си (Вазов, 1977б, с. 212);

– *Что он за птица, этот господин?* – Кандов, студент одного русского университета. – *Это я знаю, но что он за человек?* – Философ, дипломат, социалист, нигилист... и черт знает что еще... Одним словом, у него тут не в порядке... И Соколов положил палец ко лбу (Вазов, 1977а, с. 241⁴).

Это представление выражено также в диалоге Кандова с другими интеллигентами города Бяла Черква⁵. Он провозглашает идеи социальной справедливости, позаимствованные из французских и русских книг, причем, как тургеневский Базаров, навязывает своим собеседникам, болгарским патриотам, «правильные», «нужные» книги:

Четете господа, Герцена, Бакунина и Ласаля... Оставьте се от тоя узкоживотински патриотизъм и дигнете знамето на съвременното разумно човечество и на трезвата наука... Тогава аз съм с вас... (Вазов, 1977б, с. 82);

¹ Эту проблему на материале русской литературы XIX в. мы рассматриваем в книге: Homo legens в русской литературе XIX века. Шумен: Аксиос, 1997.

² Цв. Раковски, который извлекает из текста романа представление о читательском горизонте героев, упоминает Святое Писание, народные песни, революционную поэзию, Мартина Задеку, Фенелона, Вольтера, Раковского, Блыскова, Хомякова, Державина, «Многострадальную Геновеву» (под таким заглавием в Болгарии в XIX в. в любительском театре ставили драматизацию новеллы Йохана Кристофа фон Шмида «Геновева», переведенную о сербского языка) [Раковски, 2001].

³ Пер. М. Клягиной-Кондратьевой и В. Володина.

⁴ Пер. М. Клягиной-Кондратьевой и В. Володина.

⁵ Бяла черква – старое название родного города Вазова Сопот, калька турецкого названия Акче клисе.

Читайте, господа, Герцена, Бакунина, Лассаля... Откажитесь от этого узкого обывательского патриотизма и поднимите знамя современного разумного человечества и трезвой науки... Тогда я буду с вами (Вазов, 1977а, с. 96⁶).

Интересно, что при попытке предъявить туркам свои претензии об ограничении его человеческих прав и нарушении законности Кандов сталкивается с невозможностью перевода (болгарин, к которому Кандов обращается с просьбой перевести его возражения против произвола турецкой власти, отвечает: «Таких слов на турецком нет»)⁷. Это одно из проявлений «разноязычия» изображенного мира в романе Вазова, на которое обращает внимание С. Ангелова-Дамянова [Ангелова-Дамянова, 2004]. Болгарские оппоненты Кандова понимают, о чем идет речь, но не принимают его идей. Один из героев, Недкович, обращается к Кандову со словами:

Но слушайте, господин Кандов, ваши начала и аз ги уважавам, но нямат работа тука. Нам трябва преди всичко политическа свобода, сиреч сами да бъдем стопани на земята и съдбините си (Вазов, 1977б, с. 82);

Позвольте, господин Кандов, – возразил ему Недкович, – ваши взгляды уважаю и я, но здесь они неприминимы. Нам прежде всего нужна политическая свобода, иначе говоря, мы сначала должны стать хозяевами своей земли и своей судьбы (Вазов, 1977а, с. 95–96).

Реплика главного героя романа – учителя и революционера Огнянова – доразвивает мысль о беспочвенности книжных идей Кандова:

Идете, които вие изразихте... доказват вашата начетеност само, но дяволски красноречиво говорят за незнанието ви на българския въпрос. Под такова едно знаме само вие един ще се намерите. Народът няма да го разбере (Вазов, 1977б, с. 82);

Высказанные вами взгляды, – горячо возразил Огнянов, – говорят лишь о вашей начитанности, но они же весьма красноречиво свидетельствуют о том, что вы не понимаете болгарского вопроса! Под вашим знаменем окажетесь только вы один: народ вас не поймет (Вазов, 1977а, с. 96⁸).

Таким образом Вазов до основоположника социализма в Болгарии Димитра Благоева ставит вопрос «Что это социализм и имеет ли он у нас почву?» [Благоев, 1981]. Чтение персонажа Вазова создает представление о том интеллектуальном «багаже», который привозили болгарские студенты из России, – это прежде всего идеи революционеров демократов, нигилистов и анархистов. В сознании Кандова книги, содержащие подобные идеи, функционируют как «учительницы жизни»⁹. К идеям нигилизма в читательской памяти Кандова Вазов отсылает снова через роман Тургенева «Отцы и дети», но уже на уровне дискурса нигилизма. Кандова связывает с Базаровым язык вульгарного материализма в трактовке темы любви – чтобы победить в себе любовь к Раде, любимой главного героя Огнянова, Кандов успокаивает себя следующими рассуждениями:

⁶ Пер. М. Клягиной-Кондратьевой и В. Володина.

⁷ Н. Георгиев оценивает эту точку зрения Вазова как содержащую отрицательный стереотип турка (который, следовательно, не совсем соответствует реальности) [Георгиев, 2018].

⁸ Пер. М. Клягиной-Кондратьевой и В. Володина.

⁹ Г. Димитров вспоминает, что образцом житейского поведения для него был роман Чернышевского «Что делать?».

Какво е тя?.. Един скелет, облечен с мръсно, сурово месо... Едно безконечно купиче от кокали, мръвки, кръв, жили, влакна, нерви, съдове, жлези, тъкани, хрущяли... (Вазов, 1977б, с. 306);

Что она такое? Скелет, обложенный противным сырым мясом... Большая куча костей, мускулов, крови, жил, волокон, нервов, сосудов, желез, тканей, суставов... (Вазов, 1977а, с. 348–349¹⁰)

Ети идеи вулгарного материализма вхоят в противоречие с романтической натурой героя, закодированной в его портрете.

Изображая круг чтения героя, Вазов «вкладывает» в «багаж» из книг, привезенный им из России, и русский текст другого типа, близкого к славянофильским идеям – стихотворение «Москва, Москва!» В. Соллогуба (болгарские литературоведы не раскрывают источника данной цитаты):

Ах, Москва, Москва, Москва!
Золотая голова!
Ах, Москва, Москва, Москва!
Золотая голова,
Белокаменная...
(Вазов, 1977б, с. 295)

Ето смешение текстов и идей свидетельствует о несформировавшемся характере героя, о хаотичности его чтения. Обращение Кандова к стихотворению о Москве мотивировано желанием бегства от неразделенной любви в другой край, далеко от возлюбленной. Ето бегство сродни романтическому, но в данном случае значима замена желанного пространства: вместо Ориента или Юга¹¹ – Север. На семантическом уровне в чтении стихотворения о Москве на русском языке закодирована и идентификация героя с русским, осмысление русской любви к России как «своей», что также подсказывает его чуждость болгарской среде:

Вдали тебя я обездолен,
Москва, родимая моя,
где блещет в лесу колоколен
Величье русского края! Ах, Москва...
(Вазов, 1977б, с. 296; выделено нами. – Д. Ч.)

Для раскрытия сущности Кандова – его «литературности» – значимо, что бегство не реализуется в сюжете и герой уезжает вместо Москвы в городок Клисуру, за своей возлюбленной.

Особой функцией наделено чтение Кандовым романа Достоевского «Преступление и наказание». Вазов приписывает своему герою идентификацию с Раскольниковым (в то время как идентификация с героем Тургенева не присутствует в сознании Кандова). Образ Раскольникова всплывает в памяти Кандова в связи с его замыслом убить предателя Стефчова (загоревшись патриотической идеей):

Кандов си спомни за Разколникова: и героят на Достоевски също бе замислил убийството на лихварката за благого на човечеството, и той беше тъй симпатичен и трогателен! <...> Разколников му се изпречваше като един светъл и ободрителен образец, като идеал. Той даже прегърна и начина на Разколникова, по който бе убита бабичката: щеше да прише извътре

¹⁰ Пер. М Клягиной-Кондратьевой, В. Володина и М. Слонима.

¹¹ В отличие от Кандова, реальный болгарский интеллигент Константин Миладинов – фольклорист и поэт, – который был студентом в Москве, пишет стихотворение «Тъга за Юг» («Тоска по Югу»).

на дългото си палто, под мишницата, една връв, така щото да може да провеси брадвата за желязото ú (Вазов, 1977б, с. 294).

Кандов вспомнил о Раскольникове. Герой Достоевского тоже задумал убить ростовицу на благо человечеству, и какое это вызывало сочувствие, как это волновало душу! <...> Раскольников казался ему светлым, вдохновляющим примером для подражания, идеалом. Юноша даже решил убить Стефчова тем способом, каким Раскольников убил старуху: он пришьет веревку одним концом к подкладке своего пальто, под мышкой, и к ней привяжет топор... (Вазов, 1977а, с. 335¹²)

Как видно, даже сменив свой идейный выбор, Кандов остается во власти идей нигилизма. По мнению одного из исследователей, герой Вазова рассуждает при помощи категорий Раскольникова – «ничтожество», «жалкое существо» (см.: [Стаматов, 2003, с. 43], хотя, как уже было сказано, эти категории из дискурса Базарова о любви. Таким образом, в образе героя болгарский патриот сочетается с Базаровым и Раскольниковым. М. Наг, открывающий тургеневское в романе Вазова, приходит к выводу, что этот роман – анти-«Преступление и наказание» [Наг, 1970]. Для нас важнее вопросы: реализуется ли какая-нибудь из литературных моделей в житейской практике героя? окажется ли Кандов Инсаровым (примкнув к патриотам), Базаровым (в своем отношении к любви) или Раскольниковым (восприняв идею об убийстве подлого человека)?

Описание внутреннего монолога Кандова содержит представление о реализации адмиративной идентификации, при которой отождествление с литературным героем повышает в сознании субъекта идентификации его собственный статус, принятую им житейскую роль. Х. Р. Яусс употребляет этот термин (*admiring identification*) в своем исследовании идентификации реального читателя с литературным героем [Jauss, 1982]. Идентификация персонажа литературного произведения с героем другого литературного произведения семиотически сложнее, поскольку она переломляется через сознание третьего субъекта – автора текста Б, отсылающего к тексту А. Важно отметить, что самоидентификация Кандова с Раскольниковым является межтекстовой связью, которая не охватывает ни целого текста романа, ни целостной структуры характера, – герой Вазова слишком далек от философских идей, чьим носителем является герой Достоевского. Изображая идентификацию такого типа, Вазов осмысливает как чуждые болгарскому характеру не только упомянутые идеи, но и данный тип восприятия жизни сквозь призму литературы. Литературностью своего поведения Кандов противопоставлен другим героям, умирающим за свободу Болгарии, чей жест органичен, нелитературен (несмотря на роль болгарской революционной поэзии в их житейской практике). В речи повествователя, оценивающей жест Кандова, подсказана непрактичность героя, литературность его мышления:

За щастие или за нещастие това се отложи и Кандовият план рухна като една кула от картони (Вазов, 1977б, с. 294);

К счастью или к несчастью, казнь предателя была отложена и план Кандова рухнул, как карточный домик (Вазов, 1977а, с. 335¹³).

Чуждость Кандова болгарской действительности раскрыта и интерпретацией его неразделенной любви к Раде через отсылку к «Страданиям молодого Вертера» Гете. Кандов идентифицирует себя также с Вертером, а наложение двух идентификаций – с Раскольниковым и Вертером – дополняет представление о несложившемся характере, о следовании за разными литературными образцами и различными идеями в поисках собственной идентичности:

¹² Пер. Я. Слонима.

¹³ Пер. Я. Слонима.

Болен си, болен си, Кандов! Болен си, братко мой, търси си лек на главата, бай¹⁴ Вертере (Вазов, 1977б, с. 308);

Ты болен, Кандов, болен! – безнадежно пробормотал он. – Да, ты болен, братец, и надо тебе полечиться, мой милый Вертер! (Вазов, 1977а, с. 350¹⁵)

Симптоматично, что внутренний монолог героя содержит и дистанцирующую от литературной модели самоиронию, а двуязычное обращение «бай Вертере»¹⁶ выдает и иронию автора, сталкивающую Европу с Ориентом. «Больной» любовью герой идет к доктору Соколову за советом, представляя свою проблему как проблему героя задуманного им произведения. По этому поводу И. Пелева пишет: «...то, что Кандов врет о своем намерении стать писателем не так важно; важнее что приходит ему в голову соврать» [Пелева, 1994, с. 157]. Продолжим: еще важнее в какую языковую форму герой облакает свою выдумку. Передача содержания якобы планируемого романа раскрывает близость Кандова к сентименталистской/романтической литературной модели:

Главният герой е твърде влюбен, лудешки, безумно, безнадежно в една личност, която се обича с другото; а тая страст ще го доведе до самоубийство... (Вазов, 1977б, с. 309);

Главный герой влюблен, страстно, безумно, до самозабвения и притом безнадежно влюблен в одну особу, которая любит другого; и эта страсть может довести его до самоубийства... (Вазов, 1977а, с. 352¹⁷)

В данном случае Вазов использует прием так называемой структурной, или quasi цитаты, по терминологии польского теоретика Д. Данек дискурсом вульгарного материализма в речи героя является еще одним знаком сумбура [Danek, 1972]. Парадоксальное сочетание сентименталистского дискурса с его мышлением (Кандову присущи и жесты романтического героя, также отличающие его от тургеневского Базарова – вызов Огнянова на дуэль¹⁸, которая не осуществляется из-за вести о начавшемся восстании).

В диалоге между Кандовым и доктором идентификация «больного» с Вертером Гете приписана также доктору, что говорит о присутствии этого произведения в круге чтения и этого персонажа:

– Има една немска повест, която бях чел някога във Вена – каза докторът, като се почеса над ухото, за да си науми; там се разправя за подобна една любов. – Гьотевиат Вертер? – попита живо студентът (Вазов, 1977б, с. 309);

– Есть одна немецкая повесть... я ее читал когда-то в Вене, – сказал доктор, почесывая за ухом и стараясь что-то вспомнить, – там описана любовь такого рода... – Гетевский «Вертер»? – с живостью спросил студент (Вазов, 1977а, с. 352¹⁹).

Реплика доктора не только раскрывает источник цитаты, но и подсказывает, что произведение Гете еще не вошло в болгарскую культуру, не нашло своего перевода как в буквальном, так и в переносном смысле понятия (первый перевод

¹⁴ *Бай* (тур.) – уважительное обращение к мужчине.

¹⁵ Пер. Я. Слонима.

¹⁶ В переводе разноязычие потеряно: вместо «бай Вертере» употреблено выражение «мой милый Вертер».

¹⁷ Пер. Я. Слонима.

¹⁸ Напомним, что Базаров относится иронически к дуэли, хотя он вынужден принять вызов Павла Петровича.

¹⁹ Пер. Я. Слонима.

появляется в Болгарии в 1882 г.²⁰). В последовавшем диалоге доктор подчеркивает чуждость данного литературного феномена (и вертеризма, завладевшего Европой) болгарской ментальности и, таким образом, утверждает определенный автостереотип болгарина:

– От каква народност е героят ви?

– Българин.

– Българин? Че българите май не страдат от карасевда. Техните сърца са обвити с биволска кожа. Вие знаете що е карасевда? *Amour désespéré!*

– Да, отчаяна любов.

– Обаче аз не знам някой българин да е умрял от голяма любов... Един момък се обеси по-преди, но то беше, че фалира евреинът, та загуби (Вазов, 1977б, с. 310);

– *Какой национальности ваш герой?*

– Българин.

– *Българин? Странно. Болгары не страдают присухой. Их сердца покрыты буйволовою кожей... Вы знаете, что такое «присуха»? Amour désespéré.*

– *Да, безнадежная любовь, – глухо пробормотал студент.*

– *Мне, однако, не приходилось слышать, чтобы какой-нибудь болгарин умер от непомерной любви... Один парень, правда, повесился на днях, но лишь потому, что из-за банкротства одного еврея он потерял* (Вазов, 1977а, с. 352²¹).

Исследовательница меланхолии в болгарской литературе 40–50-х гг. XIX в. указывает на примеры из болгарской действительности, которые могли бы опровергнуть подобное мнение, так как подчеркивает, что «эти конкретные случаи не инспирированы литературными моделями» [Алексиева, 2005]. В упомянутый период явление «вертеризм», охватившее всю Европу, в Болгарии оказалось бы невозможным по объективным причинам. Важнее, однако, то, что Вазов подсказывает чуждость этого явления болгарской ментальности, даже при условии чтения романа Гете. (В своем рассказе «Балканские Ромео и Юлия» Вазов выражает ту же точку зрения на невозможность самоубийства от любви в болгарской среде, которую приписывает своему герою Соколову.) Само восприятие романа Гете со стороны доктора, воплощенное в комментарии повествователя и в речи героя, говорит о том, что произведение не оказало на него того воздействия, какое оказало на европейскую публику: Вазовский доктор не только не склонен идентифицировать себя с героем Гете, но даже пытается вспомнить в каком именно произведении герой кончает с собой из-за любви. Интересно многоязычие в назывании «отчаянной любви» (на турецком²², французском, болгарском), которое означает специфику языковых картин мира, непереводаемость определенных слов одного языка на другой (явление, привлекательное для этнолингвистов и лингвокультурологов). Сталкиваясь в изображенном диалоге двух читателей романа Гете, Вазов сопоставляет не только два разных характера, но и два типа *homo legens*.

Образ героя как читающего человека получает свои законченные очертания в описании его библиотеки, содержащем иронию автора. По отношению книг на столе Кандова, которые видят посетители дома героя, можно употребить слово «багаж» уже в его прямом значении:

²⁰ Это перевод Б. Горанова, опубликованный в вестнике «Български глас» – информация из книги: *Лилов А.* Увод в общата теория на превода. София, 1981. С. 175.

²¹ Пер. Я. Слонима.

²² Передача турецкого слова *карасевда* как «присуха» также приводит к потере представления о разноязычии, хотя подсказывает наличие специфически русского концепта несчастной любви.

В стаята му царуваше безредица: джамаданът разтворен, вещи разхвърляни... На масата лежаха куп руски книги. По надписите на подвързията гостите познаха, че те бяха социалистическо-анархистически издания, печатани в Лондон и Женева. Най-горната обаче беше един роман: «Преступление и наказание» от Достоевски. Стоеше и един друг разтворен роман на масата: «Страдания молодого Вертера». Там имаше редове и цели страници отбележени с червен молив... Тия съчинения показваха коначите, що бе направил Кандовий дух в тъжната пустиня на душевното блуждение (Вазов, 1977б, с. 314).

В комнате был беспорядок: чемодан раскрыт, вещи разбросаны... На столе громоздились русские книги. По заглавиям на переплетах гости узнали, что это были книги социалистического и анархического направления, изданные в Лондоне и Женеве. Поверх их, однако, лежал роман Достоевского «Преступление и наказание». На столе валялась и другая раскрытая книга – роман «Страдания молодого Вертера». Отдельные строки и даже целые страницы были отчеркнуты красным карандашом. Эти произведения говорили о том, какие воздушные замки²³ строил дух Кандова в унылой пустыне душевных блужданий... (Вазов, 1977а, с. 357²⁴)

Ирония Вазова в цитированном фрагменте направлена как на определенные чужие тексты, так и на чтение героя, свидетельствующее о хаотичности, о блуждании в мире книг. Подобное описание библиотеки героя создает образ лабиринта и содержит оппозицию органика – книжность, литературность²⁵. Симптоматично, что заглавие романа Достоевского на русском языке, что говорит о рецепции русской литературы болгарскими интеллигентами XIX в. без перевода (впрочем, это явление характерно и для болгарской культуры XX столетия). Что касается рецепции произведения Гете в болгарской культуре, упомянутый в тексте заголовок на русском языке свидетельствует о роли русской культуры как культуры-посредника в болгаро-русском культурном диалоге (для сравнения напомним, что доктор прочитал «Страдания молодого Вертера» в Вене).

В изображенном мире романа Кандов, несмотря на самоидентификацию с Раскольниковым и Вертером, не превращается в Раскольника (не убивает), не следует и за Вертером (не совершает самоубийства от любви), а примыкает к патриотическому движению (хотя и не умирает на баррикаде как другие герои-революционеры). В концепции Вазова жизнь таким образом вытесняет литературу, а свое – чужое. Имея в виду сближение Кандова с героем Тургенева, можем добавить, что в сюжете романа тождественность Вазовского героя как с Базаровым, так и Инсаровым²⁶ также подрывается.

Образ читающего героя в романе Вазова «Под игом» не только создает представление о роли чужих литературных моделей (особенно русской литературы) в житейской практике болгарского интеллигента XIX в., но ставит и такие про-

²³ Заменяя турецкое слово *конак* (название административного здания или дома богатого человека в Османской империи) выражением «воздушные замки», переводчики дополнительно подчеркивают литературность образа героя, иллюзорность его мышления.

²⁴ Пер. Я. Слонима.

²⁵ Соотношение литература – естественность можем проследить в истории русской литературы XIX в. Ярче всего идея о библиотеке-лабиринте и о потерянной идентичности выражена в творчестве Чехова. Созвучными с этой русской интерпретацией являются образ Библиотеки у Борхеса в «Вавилонской библиотеке» («La biblioteca de Babel», 1941) и у М. Фриша в «Штиллере» («Stiller», 1954). Интерпретация Вазова вписывается в этот контекст.

²⁶ Тургеневский сюжет романа «Накануне» интерпретирует кино: в фильме Н. Коробова «Юлия Вревская» (1977) изображена любовь Вревской к болгарскому студенту в России Карабелову, который вступает в русскую армию во время Русско-турецкой войны.

блемы культурного диалога, как близость / чуждость чужой литературы / культуры национальной ментальности, выборочность в восприятии чужой литературы, литературность жизни и преодоление этой литературности.

Неожиданный и парадоксальный взгляд на читающего героя Вазова предлагает теоретик литературы Н. Георгиев в своей статье, в которой вводит понятие «ненаписанной» / «недописанной» литературы. Исследователь ставит вопрос: какой роман написал бы в конце XIX в. «писатель с биографией Кандова – учившийся в России, увлеченный новыми радикальными идеями, порывистый и не на последнем месте читатель и почитатель Достоевского?» [Георгиев, 2006, с. 258]. Литературовед предугадывает возражения с точки зрения рецепции: «болгарская литература в это время на уровне Гоголя и Писемского, время болгарского романа, тем более психологического, не наступило...» [Там же]. (Подобные возражения подкрепляет хотя бы такой факт: читателем Достоевского является, например, писатель Любен Каравелов (1834–1879), которому, однако, ближе комизм Гоголя в его изображении болгарской действительности второй половины XIX в.) Тем не менее Н. Георгиев видит смысл в постановке своего вопроса, учитывая не только закономерности, но и случайности в литературном процессе. По поводу возникновения рецептивного контекста, благоприятствующего появлению романа типа произведений Достоевского в болгарской литературе, отметим, что такой контекст создается лишь в 20-е гг. XX в., когда появляются писатели, вдохновленные русскими идеями, – так, например, Г. Райчева (1882–1947) называли «болгарским Достоевским». Об особой усвоенности Достоевского в болгарской культуре можно говорить по отношению современной болгарской литературы. Исследовательница этой проблемы М. Горчева открывает у болгарских авторов нашего времени осмысление Достоевского как «иконы» [Горчева, 2014, с. 225], как «защиты и контрудара против медийного окружения симулякров», как специфической «панацеи» [Там же, с. 226]. Все же история рецепции Достоевского не только на уровне переводов и литературной критики, а и с учетом читателя, как реального, так и *lector in fabula* (по У. Эко), остается неисследованной и провокирующей литературоведа проблемой. Что касается появления в болгарской литературе романа, подобного «Страданиям молодого Вертера» (к чему наводит на мысль комментарий Кандова о романе, который он якобы пишет), можно сказать, что такой роман остается «ненаписанным». Первый любовный роман в болгарской литературе создает тоже Вазов, но автор следует скорее за моделью «Анны Карениной» (см.: [Чавдарова, 2015]).

Список литературы

Алексиева А. Симптоматиката на меланхолично в българската поезия от 40-те – 50-те години на 19 век // Литературна мисъл. 2005. № 2. URL: https://litenet.bg/publish14/a_aleksieva/melancholy.htm (дата обращения 05.01.2019).

Ангелова-Дамянова С. Езикът на разделението или разделението на езиките // Български език и литература. 2004. № 1. URL: <https://litenet.bg/publish8/sangelovadamianova/ezikyt.htm> (дата обращения 27.12.2007).

Благоев Д. Що е социализъм и има ли той почва у нас? 1981.

Генчев Н. Българска възрожденска интелигенция. София: Св. Климент Охридски, 1991.

Георгиев Н. Ориентът, Турция и тревогите на някои български литературоведи // Георгиев Н. Избр.: В 3 т. Т. 2: Литературни похождения. Авторы, творби, анализи. София: Изток-Запад, 2018. С. 571–580.

Георгиев Н. История на недописаната и ненаписаната литература // Георгиев Н. Тревожно литературознание. София: Просвета, 2006. С. 250–258.

Горчева М. У одесской лестницы: русский канон в цитатной стратегии популярной русской литературы // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 222–229.

Наг М. Стил и структура на «Под игото» от Иван Вазов или как е «стъкмен» романът «Под игото» // Литературна мисъл. 1970. № 4. С. 17–28.

Пелева И. Идеологът на нацията. Пловдив: Изд-во на Пловдив. ун-т «Паисий Хилендарски», 1994.

Ракъовски Цв. Йовковите герои четат знаци, а Вазовите герои – книги // Български език и литература. 2001. № 1: URL: <https://liternet.bg/publish4/crakiovski/jovkov.htm/> (дата обращения 05.01.2019).

Смолянинова М. Болгария и московские славянофилы XIX века // Болгария и Русия (XVIII–XXI век). Пътища и кръстопътища / Отв. ред. Р. Дамянова, И. Калиганов. София: БАН и РАН, 2017. С. 81–108.

Стаматов Г. «Под игото» – из живота на българите между романтичното и еснафството // Български език и литература. 2003. № 4. С. 39–46. URL: <http://liternet.bg/publish10/gstamatov/vazov.htm> (дата обращения 05.01.2015).

Чавдарова Д. «Казаларската царица» – «Анна Каренина» по български? // LiterNet, 28.01.2015, № 2(183). URL: https://liternet.bg/publish22/d_chavdarova/vazov.htm (дата обращения 05.01.2015).

Danek D. O polemice literackiej w powieści. Warszawa: PIW, 1972.

Jauss H. R. Interaction patterns of identifications with the hero // Jauss H. R. Aesthetic Experience and Literary Hermeneutics / Transl. by M. Shaw. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1982.

Список источников

Вазов Ив. Под игом // Вазов Ив. Избр.: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1977а.

Вазов Ив. Под игото // Вазов Ив. Събр. съч.: В 22 т. Т. 13. София: Български писател, 1977б.

D. Chavdarova

University «Bishop Konstantin Preslavski»
Szumen, Bulgaria, d.tchavdarova@gmail.com

Homo legens in the novel “Under the Yoke” by Ivan Vazov: a Bulgarian student who arrived from Russia, identified with Bazarov, Raskolnikov, and Werter

The paper considers the image of homo legens in the novel “Under the Yoke” by Bulgarian literary classic Ivan Vazov. The consideration of quoting the ideas of Russian nihilists by the character Kandov (a student who arrived from Russia), and the self-identification of that character with Raskolnikov and Werter, reveals the author’s viewpoint of the alien nature of nihilist and socialist ideas, as well as certain literary patterns, to Bulgarian society and Bulgarian mentality. Vazov’s interpretation leads to the conclusion that his ideas are in consonance with the European ideas regarding Library as labyrinth and reading as chaos and confusion of thought.

Keywords: I. Vazov, Bulgarian literature, homo legens, identification, reading, Bazarov, Raskolnikov, Werter.

DOI 10.17223/18137083/67/9

References

- Aleksiyeva A. Simptomatikata na melankholnoto v balgarskata poyeziya ot 40-te – 50-te godini na 19 vek [Symptomatics of the melancholy in Bulgarian poetry of the 19th-century 40s and 50s]. In: *Literturna misal*. 2005, no. 2. URL: https://liternet.bg/publish14/a_aleksieva/melancholy.htm (accessed 05.01.2019).
- Angelova-Damyanova S. Ezik”t na razdeleniyeto ili razdeleniyeto na ezitsite [Language of division or division of languages]. *Balgarski ezik i literatura*. 2004, no. 1. URL: <https://liternet.bg/publish8/sangelovadamianova/ezikyt.htm> (accessed 27.12.2007).
- Blagoyev D. *Shcho e sotsializ”m i ima li toy pochva u nas?* 1981.
- Chavdarova D. “Kazalarskata tsaritsa” – “Anna Karenina” po b”lgarski? [“The Kazalar queen” – “Anna Karenina” Bulgarian way?]. *LiterNet*. 28.01.2015, no. 2(183). URL: https://liternet.bg/publish22/d_chavdarova/vazov.htm (accessed 05.01.2015).
- Danek D. *O polemice literackiej w powieści* [Of literary polemics in the novel]. Warsaw, PIW, 1972.
- Genchev N. *Balgarskata vazrozhdenska inteligentsiya* [Bulgarian Revival intelligentsia]. Sofia, Sv. Kliment Okhridski, 1991.
- Georgiev N. Orientat, Turtsiya i trevogite na nyakoi balgarski literaturovedi [The Orient, Turkey, and the anxieties of some Bulgarian literary scholars]. In: Georgiev N. *Izbrano v 3 t. T. 2. Literturni pokhozhdeniya. Avtori, tvorbi, analizi* [Literary adventures. Authors, works, analyses]. Sofia, Iztok-Zapad, 2018, pp. 571–580.
- Georgiev N. Istoriya na nedopisanata i nenapisanata literatura [History of unfinished and unwritten literature]. In: N. Georgiev. *Trevozno literaturoznanie* [Anxious literary science]. Sofia, Prosveta, 2006, pp. 250–258.
- Gorcheva M. U odesskoy lestnitsy: russkiy kanon v tsitatnoy strategii populyarnoy bolgarskoy literatury [By the Odessa staircase: Russian canon in the citing strategy of popular Russian literature]. *Political linguistics*. 2014, no. 1(47), pp. 222–229.
- Jauss H. R. Interaction Patterns of Identifications with the Hero. In: H. R. Jauss. *Aesthetic experience and literary hermeneutics*. Transl. by M. Shaw. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1982.
- Nag M. Stil i struktura na “Pod igoto” ot Ivan Vazov ili kak e “stakmen” romanat “Pod igoto” [Style and structure in “Under the yoke” by Ivan Vazov, or how is “Under the yoke” made up]. *Literturna misal*. 1970, no. 4, pp. 17–28.
- Peleva I. *Ideologat na natsiyata* [The ideologist of the nation]. Plovdiv, Izd. na Plovdiv. Univ. “Paisiy Khilendarski”, 1994.
- Rakyovski Ts. Yovkovite geroi chetat znasi, a Vazovite – knigi [Yovkov’s characters read signs, and Vazov’s characters – books]. *Balgarski ezik i literatura*. 2001, no. 1: URL: <https://liternet.bg/publish4/crakiovski/jovkov.htm> (accessed 05.01.2019).
- Smolyaninova M. Bolgariya i moskovskie slavyanofily XIX veka [Bulgaria and the Moscow slavophiles of the 19th century]. In: *Balgariya i Rusiya (XVIII–XXI vek). Patishta i krastopatishta* [Bulgaria and Russia (18th–19th century). Roads and crossroads]. R. Damyanova, I. Kaliganov (Eds). Sofia, BAN i RAN, 2017, pp. 81–108.
- Stamatov G. “Pod igoto” – iz zhivota na balgarite mezhdu romantichnoto i esnafstvoto [“Under the yoke” – about the life of Bulgarians between the romantic and the philistine]. *Balgarski ezik i literatura*. 2003, No. 4. URL: <http://liternet.bg/publish10/gstamatov/vazov.htm> (accessed 05.01.2019).

List of sources

- Vazov I. Pod igoto [Under the yoke]. In: Ivan Vazov. *Sabrani sacheniya v 22 t. T. 13* [Complete works: in 22 vols. Vol. 13]. Sofia, Balgarski pisatel, 1977.
- Vazov I. Pod igom [Under the yoke]. In: Ivan Vazov. *Izbrannoe v 2 t. T. 2* [Selected works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1977.